

Владимир ДОВЕЙКО:

"Я попал в заколдованный 13-метровый круг, который не выпускает"

В редакцию стремительно вошел человек в пестрой модной маечке. Он совершенно не соответствовал умственно смоделированному образу одного из патриархов отечественной цирковой акробатики. Но это действительно был Владимир Довейко — народный артист страны, многократный рекордсмен мира, обладатель главного приза Международного циркового фестиваля в Монте-Карло — «Золотого клоуна», который приравняется и «Оскару» в кино. Он начал работать в цирке ребенком еще в 20-е годы. И активно выступает в нем до сих пор, «отлучившись» лишь на время войны, когда был пилотом дальнего бомбардировщика, который приказывал уничтожить сам Геринг. И еще он отвлёкся на киносъемки, где сыграл среди прочих и одну из главных ролей в пьесе Шекспира.

— Владимир Владимирович, я никак не ожидал, что вы выглядите столь молодо. Больше 40 вам не дашь. Такое впечатление, что вы одного возраста.

— Не вы первый мне это говорите. Когда через 30 лет после войны я пришел в военкомат получать медаль «За взятие Берлина», комиссар сказал: «А что, отец не мог сам прийти? Сынка послал вместо себя!» Ничего удивительного, ведь я артист цирка.

Владимир Довейко в роли обер-лейтенанта в фильме «Смелого пуля боится».

— Как вы им стали?

— Никем другим стать я просто не мог. Ведь я из цирковой семьи. Дедушка был жонглером и дрессировщиком, бабушка и мать — жонглерами, отец работал на проволоке. Дедушка хотел, чтобы я стал дрессировщиком, но мне нравилась акробатика. Сам освоил сальто-мортале, и меня пригласили работать в группе прыгунов Чанушевых. Было мне тогда 7 лет. Постепенно освоил жонглирование, эквилибристику, акробатическую эксцентрику, вольтижировку, парную ручную акробатику... Но в основном занимаясь прыжковой акробатикой, где у меня в 18 лет уже было четыре мировых рекорда. До меня никто не делал, например, сальто-мортале с тремя пируэтами.

— Очевидно, вы тогда много гастролировали? Не тяжело ли это для ребенка?

— Очень трудно. Гастроли продолжались в одном месте не более полутора месяцев, а потом переезжаешь в другой город и идешь в другую школу. К тому же учился всегда во вторую смену, потому что с утра ежедневные репетиции по два часа. Потом в школу, а из школы я шел прямо на представление. Это очень тяжело. Но ничего, десять классов я закончил нормально.

В школе хорошо рисовал. И даже стал победителем конкурса рисунков, проводимого журналом «Мурзилка». А Чабукани, увидев мои прыжки, позвал на просмотр в Большой театр. Я продемонстрировал высокие прыжки с пируэтами, и он пригласил меня сразу солистом, сказав, что специальные навыки я освою быстро. И оклад проещал в три раза больше того, что был у меня в цирке. Но я не ушел с манежа.

— Почему?

— Вы знаете, говорят, что этот круг в 13 метров заколдованный и никого из себя не выпускает.

— Видимо, этот закон действует лишь в мирное время.

— Да, действительно. Как только началась война, Борис Александрович Шахет, главный режиссер Московского цирка, как рекордсмену мира выдал мне правительственную броню. Я ее порвал, пошел в военкомат и попросился в авиацию. Но оказалось, что набор в летную школу уже закончился. Я говорю: «Зря не берете, я пригожусь авиации». — «Почему?» И я прямо перед майором сделал свой коронный трюк: сальто-мортале вправо, влево, вперед и назад — «крест». И меня тут же взяли сверх штата.

Гость «ВК»

После окончания Новосибирской летной школы, а потом — высшей школы ночных летчиков стал летать на американском «Боинге Б-25». Вначале бомбил по ночам. А потом организовали полк особого назначения, который летал днем. И я стал командиром корабля в этом полку. Все ночные летчики называли нас «живыми трупами», потому что наши самолеты снизу были выкрашены под ночные полеты в черный цвет и представляли собой днем прекрасные мишени.

— Эти мрачные пророчества оправдались?

— Пожалуй, нет. Из двадцати семи машин сбили только пять.

— Что вы бомбили?

— Поскольку мы были авиацией дальнего действия, то летали в Бреслау, Кенигсберг, Франкфурт... А в финале бомбили в Берлине район рейхстага. Это было впервые в истории. Отобрали лучшую девятку «бойцов» и — вперед. А сопровождал нас полк истребителей Кожедуба. Вот были орлы! Они летели с открытыми фонарями, по ветру развевались их бежевые шарфы. На фюзеляжах по 25—30 звезд (по числу сбитых самолетов). До сорока доходило! Асы!

А я на своем самолете нарисовал клоуна. Кстати, после войны меня разыскал журналист Эрнст Михайлов. И рассказал об архивах Геринга, где были задания сбить Покрышкина, Кожедуба, Рычкалова, братьев

Прихожу. «Ну садись, артист, молодец». Зовет адъютанта: «Видел, как Довейко крутит сальто? Сможешь так? Ну, давай!» «Вообще-то, я двойное сальто не смогу, но одно смог бы», — отвечает адъютант. «Ну-ка, походи, что, уже выпил?!» — «Сто пятьдесят коньяку, тов-глав-марш-авиации!»

— «Ну тогда не надо, а то на голову «придешь». Ладно, иди да принеси нам выпить»... И мы выпили по поводу моей демобилизации.

— Сложно ли было вернуться на манеж после перерыва?

— Нет. Я написал сценарий, собрал труппу рекордсменов-прыгунов и сделал номер. Через три месяца он занял первое место на конкурсе циркового искусства. Это было в 47-м. После войны я установил еще три мировых рекорда, например, двойное боковое сальто-мортале. Получил звание заслуженного артиста.

— Видимо, было немало зарубежных гастролей?

— Да, конечно. Но самые памятные, когда советская труппа впервые приехала в США и Канаду. Это было в 60-е годы. В Нью-Йорке мы выступали в «Медисон Сквер Гарден». И была политическая кампания против СССР — у касс выкрикивали: «Не берите билеты, у Хрущева руки в крови! На ваши доллары русские поставляют оружие вьетнамцам, которые убивают наших солдат!» Мы думали, что публики не будет. Но зал был забит полностью, и еще сидели на полу вокруг манежа... Успех после первого выступления был необычайный. На следующий день все газеты вышли с шапкой: «Лучший в мире цирк — московский!»

— А как вы попали в кино?

— Вначале меня пригласили проконсультировать драку в фильме «След в океане». Дрался Евгений Весник, игравший шпиона, и «наш разведчик» ленинградский артист, его фамилия я, к сожалению, забыл. И после этого меня начали приглашать сниматься в эпизодических характерных ролях. Играл обер-лейтенанта Штарке в фильме «Смелого пуля боится», английского детектива в «Путешествии миссис Шелтон», была роль во «Всадниках»... И вдруг режиссер Самсонов приглашает меня на роль Бараччио в фильме «Много шума из ничего». Я сначала оробел — Шекспир, одна из главных ролей! Но он уговорил — ты, мол, пластичный, подвижный, твой облик подходит... Снялся. Была рецензия, где говорилось, что вместо Константина Райкина надо было бы взять Андрея Миронова и что Довейко сумел справиться с ролью Бараччио...

— А продолжается ли цирковая династия Довейко?

— Конечно. Жена Марина Довейко пришла ко мне в труппу в 16 лет, тогда она была чемпионкой Украины по акробатике. Сейчас — заслуженная артистка России. Старший сын Владимир первым в мире исполнил двойное сальто-мортале на одной ходуле и сальто-мортале с двумя пируэтами на одной ходуле. Потом он окончил режиссерский факультет ГИТИСа, сделал свой номер «Русские качели» и работает самостоятельно. А младшему сыну 10 лет, он начинает потихоньку заниматься семейным делом и уже кое-чему научился.

— Владимир Владимирович, мой младший сын на два года постарше вашего. Так что я не ошибся, когда сказал, что мы с вами примерно одного возраста.

Интервью взял Владимир ТУЧКОВ.

Фото Игоря ИВАНДИКОВА

и из семейного архива Владимира Довейко.

